

Распрощавшись с учениками Киотского магического колледжа, они сели на синкансэн и отправились обратно в Токио. Гето Сугуру всю дорогу беспокоился, не разболелась ли у Накахары Яёи нога из-за сырости, но, к счастью, дождь быстро утих, пробарабанив по стеклам от силы полчаса. Не успел поезд затормозить у перрона, как тучи рассеялись и выглянуло солнце.

В Токио они прибыли в половине одиннадцатого утра. Компания шумно и со смехом вошла на территорию Токийского магического колледжа. Однако стоило Яёи переступить порог школы, как его обострившееся чутье уловило едва заметную перемену. Атмосфера неуловимо отличалась от той, что царила здесь еще два дня назад. Первое, на что он наткнулся взглядом, были сложенные у главного административного корпуса пышные букеты белых хризантем.

Белые хризантемы — цветы скорби, цветы похорон.

При виде этих тесно прижатых друг к другу белоснежных лепестков сердце Яёи глухо екнуло. В Портовой мафии существовал такой же обычай: когда погибал кто-то из своих, на его рабочем столе или у кабинета оставляли белые цветы — молчаливая, сдержанная дань памяти.

Кто-то мертв. Яёи не сомневался в этом ни секунды. Он бегло оглядел лица товарищей и, поколебавшись, решил промолчать. Сугуру и остальные слишком редко сталкивались со смертью сослуживцев. Пусть лучше узнают сами.

Они шли в сторону учебных корпусов и общежитий. По дороге им навстречу попало несколько преподавателей из учебной части. Сугуру и Хайбара Ю вежливо поздоровались, но те лишь коротко, машинально кивнули и, даже не вымолвив банального «доброго утра», торопливо пошагали мимо с тяжелыми кожаными папками в руках.

Одежда этих людей тоже изменилась. Обычно форменные костюмы сотрудников Токийского магического колледжа отличались строгостью — сплошной черный цвет, — но внутренний слой каждый подбирал по вкусу. Яёи помнил, что почти все преподаватели носили под пиджаками белоснежные сорочки, а некоторые разбавляли унылую монохромность пестрыми галстуками. Сегодня же все они, словно сговорившись, облачились в глухие черные рубашки и черные галстуки. Так одеваются те, кто едет прямиком на похороны.

Да, сомнений нет. Кто-то действительно умер.

Иэири Сёко тоже отличалась зоркостью. Подождав, пока учителя скроются за поворотом, она вернула в зубы спрятанную за спину сигарету и негромко произнесла:

— Преподаватели... они все переоделись?

Яёи подтвердил ее догадку коротким кивком:

— Да.

— Переоделись? — Годжо Сатору скользнул взглядом по проходящему мимо вспомогательному смотрителю. Будучи по натуре человеком невнимательным к мелочам, он не уловил никаких перемен. — Да нет же, они круглый год в одном и том же черном сукне ходят.

— Твоего мнения никто не спрашивал, иди поиграй, — отрезал Яёи.

Сатору лишь безмолвно возвел глаза к небу.

Сёко, у которой в голове уже начала складываться мрачная картина, тщательно подбирала слова:

— Все в черном, даже зажимы для галстуков нацепили... Видимо, намечается какая-то траурная церемония.

В этот момент из-за угла донесся отчетливый, частый стук каблуков. Из тени аллеи навстречу им вышла Мэй Мэй. На ее губах играла привычная тонкая улыбка.

— Ваши голоса я расслышала еще за версту, — певуче произнесла она.

— Госпожа Мэй! — искренне удивился Хайбара. — Что вы здесь делаете?

Вместо ответа Мэй Мэй лишь неопределенно улыбнулась. Одета она была как обычно, однако длинная челка, прежде свободно обрамлявшая ее лицо, теперь была тщательно зачесана назад и убрана в строгий, высокий хвост.

— Кстати, Сёко, я как раз тебя искала, — Мэй Мэй мягко хлопнула в ладоши. — Доставили новое тело, нужно провести вскрытие. Учитель Яга уже в морге, поспеши туда.

Губы Сёко, сжимавшие сигарету, едва заметно дрогнули. Хотя ее и не отправляли на полевые задания, на нее ложилась вся бумажная и патологоанатомическая рутина Главного совета магов. В периоды, когда проклятые духи плодились безудержно, ее заваливали работой: препарировать изуверенные трупы приходилось каждые несколько дней. Нагрузка была ничуть не меньше, чем у действующих магов.

Она затушила сигарету.

— Да, я поняла.

Сёко махнула остальной рукой на прощание и быстрым шагом направилась к

патологоанатомическому блоку.

От этих слов у Сугуру внутри все заledenело, будто на грудь навалили неподъемную глыбу. Он хмуро взглянул на Мэй Мэй:

— Кто погиб?

— Куратор четвертого курса, учитель Танака, — не стала юлить Мэй Мэй. — Сегодня глухой ночью во время изгнания проклятого духа первого ранга его атаковал второй, неучтенный дух. Смерть наступила мгновенно.

— Два проклятых духа одновременно?.. — переспросил Сугуру.

— Именно. Все случилось в Икэбукуро. Сам знаешь, этот рубеж от Икэбукуро до Синдзюку вечно кишит тварями. Ночью видимость паршивая, кругом гражданские — идеальные условия для катастрофы.

— Что именно там произошло?

— Без понятия. Главный совет уже направил туда следователей, отчет опубликуют ближе к полудню, — Мэй Мэй изящно приподняла подол платья и ступила на усыпанную гравием дорожку, ведущую к моргу. — Мои соболезнования.

Этот разговор слышали все. Лица ребят помрачнели, хотя каждый воспринял вестъ по-своему.

Сатору оставался равнодушным. Он вырос в одном из трех великих кланов и с пеленок усвоил простую истину: шаманы — это смертники. Тот, кто не готов расплатиться собственной головой за силу, не имеет права называться магом. С самого детства он то и дело слышал о кончине какого-нибудь дальнего родственника или безвременной гибели отцовского соратника. Родители чуть ли не каждый месяц шили новые траурные наряды. Он твердо знал: удел любого мага — одинокая и скорая кончина.

Нанами Кэнто едва заметно нахмурился. Будучи юношей рассудительным и скрытным, он никогда не выставлял чувства напоказ, предпочитая держать переживания под замком.

Хайбара Ю, напротив, принял все слишком близко к сердцу. Парень отличался редкой чуткостью и, хоть и не знал погибшего куратора лично, искренне увяз в тоске. Сникнув, он глухо пробормотал:

— Надо же... Нас не было в Токио всего пару дней, а тут такое горе. Ужасно.

Яёи воспринял новость со стальным равнодушием. Для него погибший учитель был не более

чем очередным безликим статистом. Гораздо сильнее его волновало то, как эта трагедия скажется на Сугуру.

Яёи украдкой глянул на друга. В отличие от остальных, Сугуру хорошо знал учителя Танаку. Ему часто приходилось относить в преподавательскую отчеты за ленивых Сатору и Сёко, и там он не раз пересекался с покойным, перекидываясь парой необязательных слов.

И теперь, когда это имя прозвучало вслух, невидимый гнет в груди Сугуру стал почти осязаемым. Яёи чутко уловил эту перемену, и его собственное настроение послушно поползло вниз.

У первокурсников утренних занятий не намечалось, поэтому Нанами и Хайбара ушли к себе. У второго курса по расписанию стояло обществознание. Зайдя в аудиторию, ребята обнаружили пустую кафедру и размашистую, небрежную надпись мелом на доске: «Самостоятельная работа». Судя по рваным штрихам, у Яги Масамичи сильно дрожали руки от спешки, когда он выводил эти буквы.

Троица на удивление покорно расселась по местам, даже не подумав прогулять урок.

Сугуру молча раскрыл конспект. Он долго сидел, уставившись в разворот тетради, но Яёи видел: друг не читает, а просто блуждает невидящим взглядом по строчкам. Мрачное молчание Сугуру заразило всех. Яёи не решался нарушить тишину, да и Сатору, вопреки обыкновению, проявил чуткость и не проронил ни звука.

В классе повисла тяжелая, удушливая тишина, какая бывает перед сложным экзаменом. Лишь спустя полчаса затишье разорвали синхронные сигналы входящих сообщений. На экранах телефонов высветился текст от Хайбары:

[Старшие, у вас закончилась пара? Когда вы вернетесь в общежитие?]

Сатору ухватился за этот повод, чтобы разогнать тоску:

— Эй, вам тоже этот малый пишет?

— Да, пришло, — как раз в этот момент раздался спасительный звонок с урока, и Сугуру спрятал тетрадь обратно в парту. — Похоже, он ждет нас у себя.

— Ну-ка, спрошу, что стряслось. Странный он какой-то, — пробормотал Сатору, быстро застучав пальцами по кнопкам.

[Что-то случилось?]

Ответ прилетел мгновенно:

****[Секрет! Быстро дуйте ко мне в комнату!]****

— Партизан несчастный, темнит чего-то... — Сатору сунул телефон в карман. — Ладно, идемте. Поглядим, что за сюрприз они там приготовили.

Ни Сугуру, ни Яёи возражать не стали.

Забежав к себе в комнаты, чтобы скинуть дорожные сумки и чемоданы, они поднялись на второй этаж. Хайбара уже вовсю дежурил у приоткрытой двери. Завидев их, он бурно замахал руками:

— Старшие! Сюда, скорее!

Нанами стоял чуть позади друга. Он скрестил руки на груди и всем своим видом выражал крайний скептицизм по поводу затеи товарища.

Сугуру к этому времени уже совладал со своими мыслями. На его лицо вернулась мягкая улыбка.

— К чему такая спешка? Нас ждет великое открытие?

Нанами открыл было рот, собираясь выдать тайну, но Хайбара молниеносно зажал ему рот ладонью. Напустив на себя загадочный вид, он распахнул дверь настежь:

— Прошу, убедитесь во всем сами!

Правила Токийского магического колледжа не запрещали студентам обустраивать жилье по своему вкусу. Хайбара подошел к вопросу радикально: избавился от громоздкой кровати, заменив ее на двухъярусную конструкцию с письменным столом внизу. Наверху сиротливо ютился огромный плюшевый акуленок из Икеи, а вот нижнее пространство стола было со всех сторон наглухо занавешено тяжелой черной тканью, не пропускавшей ни единого лучика света.

Смущенно кашлянув, хозяин комнаты поглубже запихнул торчащий хвост акулы и торжественно раздвинул сукно.

— Добро пожаловать, — произнес он с предельно серьезной миной.

Пространство под кроватью превратилось во вполне сносную фотолабораторию. И пускай

зауток казался тесным, парень ухитрился втиснуть туда все необходимое. Из открывшейся ниши сразу потянуло резким, химическим душком проявителя, а неяркое свечение красной лампы окрасило комнату в таинственные багровые тона.

Через всю импровизированную темную комнату тянулась бечевка, на которой деревянными прищепками были аккуратно зацеплены подсыхающие снимки. Яёи бросил быстрый взгляд на развешанные листы — это были кадры из их недавней поездки в Камакуру.

Буйное цветение сакуры, бескрайняя лазурь океана, живые портреты ребят, выхваченные объективом прямо на ходу, и, конечно же, парадный общий снимок на фоне величественного храма Котоку-ин. Хайбара определенно обладал талантом: композиция некоторых кадров вышла настолько удачной, что их без стыда можно было отправлять в печать как сувенирные открытки.

— Я отобрал самые сочные кадры, — с гордостью заявил Хайбара. — Общую фотографию сделал для каждого. Вот эта — для Сёко-сан. Сугуру-сан, передашь ей завтра при встрече?

Парни гурьбой полезли в тесную нишу, заполнив ее до предела. Яёи попытался рассмотреть детали на кадрах поближе, но Сатору нависал над ним сзади глухой стеной, лишая возможности даже пошевелиться.

— Годжо, сделай шаг назад, — негромко попросил он.

Но тот даже не шелохнулся. Напряженно вглядываясь в ряды цветного глянца, Сатору лихорадочно выискивал глазами нечто конкретное.

И наконец нашел.

Нужный снимок висел в самом дальнем углу и на фоне ярких пейзажей казался совсем не приметным. На нем они с Яёи сидели плечом к плечу в вагоне скоростного поезда.

Яёи безмятежно спал, уронив голову на плечо соседа. А сам Сатору застыл каменным изваянием, боясь вздохнуть лишний раз, лишь бы не потревожить чужой сон. Лицо его на снимке выглядело комично-напряженным. Это был тот самый момент по дороге в Киото, который Хайбара ухитрился подстеречь и запечатлеть.

Опасаясь, что Яёи заметит этот компромат, Сатору молниеносным жестом сорвал снимок с веревки и мгновенно спрятал в карман брюк.

— Эй, а это что за фото? — попытался вмешаться Сугуру. — Мы даже взглянуть не успели. Зачем прячешь?

— Да так, ерунда всякая... Ничего интересного, — буркнул Сатору, рефлекторно прижав ладонь

к карману. Сугуру показалось, что тот сейчас от греха подальше активирует свою «Безграничность», поэтому решил не настаивать.

Яёи тоже мельком подумал о том, что же там было снято, но его внимание тут же переключилось на другую карточку. На ней фоном служила раскидистая цветущая сакура, ветви которой клонились к земле под тяжестью нежных бутонов.

На фото они с Сатору одновременно оборачивались на зов, удивленно глядя прямо в объектив. Порыв весеннего ветра, напоенного ароматом моря и цветов, трепал их белые рубашки, заставляя воротнички взмывать вверх.

При взгляде на этот снимок Яёи инстинктивно повернул голову к Сатору, но тут же вспомнил о данном себе вчера завете. Никакого лишнего внимания к этому парню!

Он заставил себя отвести взгляд.

Тем временем Хайбара принялся снимать просохшие листья, слегка встряхивая их, чтобы согнать остатки влаги. Раздавая улов, он тихо бормотал под нос:

— Так, общая карточка каждому... Это Сугуру-сан, твой портрет. Нанами, держи свой...

Когда пачка опустела, парень долго смотрел на оставшийся групповой снимок. Хайбара отличался ранимой натурой, и теперь, вглядываясь в сияющие улыбки друзей, он грустно вздохнул:

— Вышло здорово, радоваться бы... Но как вспомню про ту трагедию с учителем, сразу кошки на душе скребут начинают. Не могу улыбаться, хоть тресни.

Сугуру негромко хмыкнул и, сочувственно похлопав младшего по плечу, заметил:

— Излишняя сентиментальность — плохой союзник для мага, Хайбара.

— Да уж, твоя правда, — парень выдавил из себя виноватую улыбку.

Время близилось к обеду. Разобрав памятные карточки, ребята разошлись по своим комнатам. Хайбара распахнул настежь окно, чтобы проветрить душное помещение от едкой химии. Развернувшись, он испуганно отшатнулся — в углу, словно провинившийся школьник, застыл Сатору.

— Годжо-сан? Ты чего тут стоишь? — изумился хозяин комнаты.

На лице сильнейшего мага отразилось несвойственное ему замешательство. Помявшись, он выудил из своей стопки ту самую фотографию у цветущей сакуры.

— Сделай... еще одну такую же. Сможешь?

— А, дубликат нужен? — Хайбара удивленно моргнул.

Сатору заговорил как-то путано, сбиваясь с ритма. Испугавшись, что его мотивы сочтут подозрительными, он поспешил неуклюже оправдаться:

— Да просто ракурс хороший, четкий. Отправлю родителям, пусть посмотрят.

Хайбара слышал, что родные Годжо живут за пределами страны, и принял ложь за чистую монету.

— Без проблем, негативы у меня. Завтра все сделаю в лучшем виде.

— Кстати, — заговорщически подмигнул парень, — ты на эти снимки дольше всего смотрел. Но они и правда волшебные получились.

Эта невинная фраза занозой засела в мыслях Сатору. Неужели его интерес к Яёи настолько бросается в глаза?

Не заметив, как поменялся в лице старший товарищ, Хайбара увлеченно разглядывал глянцевою бумагу:

— Да и фотограф из меня так себе. Просто лица у вас красивые, вот кадры и выходят безупречными, как ни сними.

«Потому что лица красивые...» — именно эта мысль первой промелькнула в голове Сатору, когда он рассматривал портреты Яёи.

Почувствовав себя разоблаченным, Сатору занервничал и поспешил пробормотать как можно безразличнее:

— Ну, обычное лицо. Я особо и не вглядывался.

— Обычное? — Хайбара недоуменно изогнул бровь, словно перед ним стоял самозванец. — Странно. Ты же всегда твердишь, что красивее тебя никого на свете нет. Откуда вдруг такая скромность?

Сатору застыл. Он позорно выдал себя, в корне неверно истолковав чужие слова.

Хайбара на мгновение задумался, а затем его лицо прояснилось:

— Погоди, ты подумал, я только про Яёи-сан говорил? Нет же! Я имел в виду вас обоих. Вы вдвоем чертовски фотогеничны, картинка просто загляденье...

— Ладно, Хайбара, мне пора, — грубо оборвал его Сатору, не желая больше закапывать себя. — Бывай!

Он поспешно ретировался, едва ли не бегом добравшись до своей спальни. Защелкнув замок, он обессиленно прислонился к двери и вновь достал снимок.

Куда его деть?

Спрятать между страниц книги? Рискованно: если кто-то случайно откроет — пиши пропало. В портмоне? Глупость несусветная, так только сентиментальные старики делают.

Пожалуй, лучшее место — выдвижной ящик стола. Туда никто без спроса не сунется, да и среди гор бумажного хлама фото затеряется без следа.

Приняв решение, он выдвинул ящик. Нашел десяток чистых листов бумаги, соорудил из них плотный конверт, защищающий от сырости и царапин, и бережно вложил туда обе карточки. Аккуратно раздвинув канцелярские ножи, мотки скотча и коробку с салфетками, он спрятал сверток на самое дно.

Стоило ящичку со щелчком закрыться, как оставленный на книжной полке телефон зашелся резкой трелью. На дисплее высветилось сухое: «Отец».

Действующий глава клана Годжо прекрасно знал о строптивом нраве наследника и без веской причины беспокоить его звонками не любил. Сатору удивленно нахмурился, принимая вызов:

— Да?

Из трубки раздался строгий, властный голос отца, который без лишних предисловий перешел к делу:

— Сатору. До меня дошли слухи, что ты увлекся этим новеньким.

У Сатору будто предохранители перегорели. Разум на секунду отключился, переваривая услышанное, прежде чем сообразить, как реагировать. Он тут же перешел в наступление,

маскируя испуг показной агрессией:

— Чего?! Это кто такую чушь разносит?!

— Значит, неправда? — в тоне отца проскользнула тень сомнения. За все годы Сатору ни разу не давал повода заподозрить себя в сердечных привязанностях.

— Естественно, нет! — слишком поспешно выкрикнул Сатору.

Столь бурный протест лишь укрепил подозрения мужчины. Глава клана сейчас постепенно отходил от дел, планируя передать бразды правления сыну, как только тому исполнится двадцать. Соответственно, он был обязан жестко контролировать окружение преемника, отсекая любые сомнительные связи.

А Накахара Яёи, будучи сыном одного из влиятельных старейшин Главного совета, идеально подходил под категорию «нежелательных лиц».

— Что бы ты там ни испытывал на самом деле, это твое личное дело, — ровно произнес отец. — Но я хочу предостеречь тебя: этот юноша — кровь от крови верхушки магов. Будь предельно осторожен и думай головой.

Сатору долго молчал, сжав челюсти, после чего выдавил глухое «Я понял» и прервал звонок.

Он рухнул обратно на постель, уставившись в потолок. А ведь отец прав... Его отношение к Яёи действительно перешло границы простой вежливости или товарищества.

Бессонная ночь дала о себе знать. Перекатывая в голове тяжелые думы, Сатору незаметно для себя провалился в тревожное забытие. Лишь в половине третьего дня резкое, истощающее карканье за окном заставило его рывком сесть на кровати.

С улицы донесся звонкий голос Мэй Мэй:

— Сатору! Яёи! Для вас есть срочное поручение!

Сатору пулей вылетел из спальни, со скрипом распахнув дверь. Из соседней комнаты, потирая заспанные глаза, вышли Яёи и разбуженный шумом Сугуру. Спустившись во двор, они увидели парящую в небе Мэй Мэй.

Шаманка стояла на живой платформе из сотен черных птиц. Угольно-черные вороны, плотно переплетаясь крыльями и телами, сотворили в воздухе надежную опору для своей хозяйки.

Мэй Мэй сообщила, что в Токийском порту обнаружили проклятого духа первого ранга. Из-за того, что тварь свила гнездо в самом центре делового квартала, Главный совет магов требовал устранить угрозу без лишнего шума и пыли, пока обычные люди ничего не прочуяли. Задание поручили Сатору и Яёи — идеальному тандему для быстрой и точечной ликвидации.

Оба парня без особого восторга восприняли новость о внеплановой работе, но препираться не стали и покорно разошлись по комнатам натягивать форму.

Сугуру, слегка нахмурившись, обратился к парящей над двором Мэй Мэй:

— Госпожа Мэй, для меня на сегодня ведь ничего не запланировано?

— Пока тихо, — неспешно отозвалась она.

— Тогда я могу поехать с ними в Токийский порт?

— Разумеется. В свободное время вольны делать все, что душе угодно, — Мэй Мэй картинно развела руками. — К тому же, твое присутствие сильно облегчит жизнь местным зрителям. Меньше бумажной волокиты в случае чего.

К этому моменту Сатору и Яёи уже сбежали по лестнице. Получив добро, Сугуру быстро переобулся в уличные туфли и присоединился к друзьям на выходе в Токийский порт.

Стая ворон плавно опустила Мэй Мэй на землю. Соскочив с живого ковра, она смерила Сугуру долгим, пронизательным взглядом:

— Волнуешься за них, верно?

Поняв, что скрывать тревогу бессмысленно, Сугуру кивнул:

— Да. Если даже такой опытный мастер первого ранга, как учитель Танака, не смог уцелеть... Кто гарантирует, что Сатору и Яёи не угодят в подобную ловушку?

— Вполне разумные опасения, — согласилась женщина.

Помедлив, Сугуру задал вопрос, который давно не давал ему покоя:

— Госпожа Мэй... Скажи честно, проклятые духи в этом году ведь стали куда сильнее и злее, чем раньше?

Мэй Мэй одобрительно сощурилась.

— Хорошая интуиция. В кулуарах только об этом и толкуют. Проклятые духи нынче рождаются на редкость злобными и живучими. Видимо, финансовый кризис дает о себе знать — у обывателей прибавилось поводов для ненависти. — Она театрально вздохнула. — Из-за этих колебаний рынка мои акции просели на миллион тридцать девять тысяч триста восемьдесят иен.

— Поразительно, как точно ты помнишь сумму ущерба, — сухо заметил Сугуру.

Главный совет магов

Один из высокопоставленных чиновников, скрывающий лицо под глухой металлической маской, толкнул массивную, невероятно толстую железную дверь и вошел в огромный зал. Помещение было настолько просторным и безжизненным, что стук его каблуков по полированному мрамору пола отдавался гулким, пугающим эхом.

Этот зал, способный без труда вместить несколько сотен человек, служил личным кабинетом Китакодзи Синсукэ. Личности высших чинов Главного совета оберегались строжайшей тайной: даже ближайшие коллеги никогда не видели лица господина Китакодзи, зная лишь, что тому немногим больше тридцати.

Сейчас хозяин кабинета восседал за изящной ширмой из резного белого нефрита. Преграда надежно укрывала его лицо и плечи от любопытных глаз, позволяя разглядеть сквозь просвет внизу лишь тяжелые полы серого шелкового одеяния, ниспадавшие с кресла на пол.

Вошедший чиновник низко склонился, уставившись в носки собственных туфель. От волнения его лицо покрылось испариной.

— Господин Китакодзи, глава клана Камо просит аудиенции.

— Впусти его, — слышалось из-за ширмы.

— Слушаюсь, — мужчина поспешно попятился назад и, выскользнув за дверь, облегченно перевел дух.

Секундой позже порог переступил глава клана Камо. Он вошел неторопливой, уверенной походкой хозяина жизни, небрежно огляделся по сторонам и громко спросил:

— Ну как?

Вопрос прозвучал размыто, но Китакодзи Синсукэ отлично понял, о чем речь. Его ледяной

голос, отразившись от высоких сводов, наполнил зал монотонным гулом:

— Все прошло гладко. Как мы и договаривались, миссия передана Годжо и Накахаре.

Глава клана Камо посмотрел на смутный силуэт за нефритовой ширмой и понимающе улыбнулся.

<http://bllate.org/book/19457/2004580>